

ГОСУДАРСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ИЗНОШЕННАЯ
ЭКОНОМИКА НЕ МОЖЕТ ПОТРЕБЛЯТЬ ИННОВАЦИОННУЮ
ПРОДУКЦИЮ

Насыбуллин Ф.Ш. – к.ю.н., доцент кафедры «Теории и истории государства и права» Института социальных и гуманитарных знаний, г.Казань – (Россия, Татарстан).

Исчерпанность материальной базы, технологическая отсталость и сырьевая ориентация России вызвали к жизни насущную необходимость модернизации экономики страны. В не потерявшем свою актуальность докладе директора Института экономики РАН, члена–корреспондента Академии наук Р.С.Гринберга, специально подготовленном для «круглого стола» фонда «Единство во имя России» на тему «Нужна ли России промышленная политика?», сделанным за год с небольшим до мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., показана отрицательная динамика экономики страны и обосновывается неотложная необходимость её структурной перестройки.

В указанном докладе отмечается, что причиной сложившейся динамики является положение, когда экономический рост в существенной мере опирается не на внутренние источники, а на сложившуюся внешнеэкономическую конъюнктуру, прежде всего, сырой нефти, природного газа и металлопродукции первых переделов. Одновременно наблюдаются довольно устойчивые тенденции ухудшения качественных показателей роста. В этой связи нынешний экономический рост не может быть признан ни устойчивым, ни перспективным для России – рост без развития. Наиболее глубокий спад, по данным автора, охватил высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности и военно–промышленный комплекс с его наукоемкими производствами мирового класса, в том числе уникальными технологиями и высококвалифицированным кадровым корпусом.

«Восстановительный» рост не принёс качественных перемен, не остановил процессы примитивизации национального промышленного производства. По массовой продукции обрабатывающей промышленности Россия уступает не только зарубежным рынкам, но и рынку национальному.

Удельный вес России в мировой торговле продукцией машиностроения составляет 0,4 - 0,5 %, против 30 %, приходящихся на США, КНР и Японию, а технологиями и наукоемкими товарами не превышает 0,3 - 0,8 %, что меньше США в 30, Республики Корея в 14, Малайзии в 13, Китая в 10, Таиланда в 4, Филиппин в 3 раза. Критического уровня достиг износ основных фондов в промышленности.

В результате, особо подчеркивает Р.Гринберг, в стране ослабевают перспективы перехода к инновационному пути развития: инновации внутри страны становятся некому потреблять, поскольку исчезают отрасли, способные трансформировать их в продукцию конечного потребления. Наконец, неизбежно начинает формироваться технологическая несовместимость российской экономики с индустриально развитыми странами.

Автор заключает, что при этом надо отдавать себе отчет в том, что модернизация экономики, диверсификация ее реального сектора не могут быть осуществлены спонтанно, на основе исключительно механизмов рыночного саморегулирования. Ставка на эти механизмы в 90-е годы не только не привела Россию в «постиндустриальную цивилизацию» и не просто заблокировала реализацию задач позднеиндустриальной модернизации. Она предопределила стремительную деиндустриализацию одной из ведущих промышленных держав мира, инициировав «структурную перестройку наоборот», то есть, по существу, свела экономику к её сырьевому сектору.

В проанализированном докладе Р.Гринберга не осталась в стороне и тема соотношения государства и рынка, его саморегулирующей или регулируемой сущности. Здесь не совсем верно, если не ошибочно, на наш

взгляд, проставлены акценты. В частности, он пишет, что «...пора прекращать дискуссии о «целесообразности» или «нецелесообразности» активации государственного регулирования экономики», понимая под этим, как само собой разумеющееся, усиление дирижизма экономикой со стороны государства.

На наш взгляд, здесь речь должна идти не о регулировании рыночной экономики (у нас она лишь фрагментарна), а об усилении активности государства в процессе её создания до полного перевода её на саморегуляцию. И на сегодня, по нашему мнению, это главный приоритет деятельности государства, и лишь затем борьба с кризисом и модернизация. Без полноценного рынка ни преодоление кризиса, ни тем более модернизация невозможны, ибо в лучшем случае мы репродуцируем докризисные отношения, которые сами по себе и придали экономическим и государственно–правовым проблемам России такую глубину.

В идеале следовало бы рассматривать и решать эти проблемы в их триединой сути, и это, пожалуй, оптимальный вариант. Но он диктует государству необходимость принятия системных решений и невероятных усилий, хотя и понятно, что легких путей для России уже нет. Они все исчерпаны.

Однако игнорирование проблем самого российского рынка, его деформаций, а, если прямо, то и его отсутствия, получило в научном сообществе и в политике довольно большое распространение. Не изменил положение и мировой финансовый и экономический кризис. Не услышанными оказались и слова бывшего Президента РФ Д.Медведева, сказанные им на XI съезде партии «Единая Россия» в Санкт–Петербурге 20 ноября 2009 года: «...в России отсталое сырьевое хозяйство, которое в современном смысле слова экономикой можно назвать «лишь условно». Дальнейшее сохранение сырьевой ориентации будет вести лишь к дальнейшей «деградации страны».

Незавершенность спора давно вышла за рамки абстракций и напрямую влияет на практические шаги правительства, не позволяя выработать не только «технику модернизации», но и главное – экономическую политику государства по осовремениванию экономики.

Немало проблем проистекает и из возможного превращения дискуссии о модернизации экономики в «модную тему», когда ее судьбу может постичь та же печальная участь, что и пресловутое ускорение, удвоение ВВП, всевозможные приоритеты и многие другие неудавшиеся проекты властей в том же ряду. Но особую опасность вызывает наметившаяся тенденция политизации темы, к которой скатываются отдельные исследователи и «независимые» авторы, в том числе и из журналистского сообщества.

Модернизацию еще не успели обосновать теоретически, а уже нашлись поделщики, которые приклеили к ней ярлыки. Достаточно воспроизвести пассажи типа – у нас в стране было три модернизации: петровская, сталинская и нынешняя, или – модернизация, мобилизация, насилие и т.д.

Наверное, не стоило бы даже обращать внимание на эти эффектные, но пустые фразы, если бы они не получили широкого резонанса. Поэтому лишь отметим два момента. Во-первых, Петр I, и это достоверно установлено наукой, проводил всего лишь реформы. Пусть глубокие, но от этого они модернизацией не могли быть по сути. То же наука давно установила и в отношении эпохи И.Сталина. Действительно, в 30-е годы СССР сделал колоссальный рывок вперед, но и это не было модернизацией. В отсталой и крестьянской стране, где не было не только современной промышленности, но и промышленности как таковой, модернизировать было нечего. Поэтому все, что произошло в стране в 1927- 1937 годах, вошло в историю как индустриализация. И это также общенаучный факт.

В последующие годы о модернизации даже не вспоминали. Довольствовались экстенсивным развитием, т.е. воспроизводством старого и

простым воспроизводством, а в целом проедали производственный и научный потенциал предшествующей эпохи. Особенно это характерно для постсоветского периода. Правда, именно Б.Ельцин первым поднял вопрос о необходимости модернизации экономики, но дальше разговоров дело не пошло. В 2000-х годах о структурной перестройке, об инновационном пути развития риторики было много, но дела мало.

В бытность свою президентом Д.Медведев поставил вопрос о модернизации российской экономики, и это не только первая модернизация в условиях демократии, но и первая – в истории России. При этом отметим, что потенциал и инерционное движение советской экономки и научного комплекса (особенно в сфере ВПК) оказались настолько сильными, что, несмотря на 20-тилетнюю политику «латания дыр», тем не менее, остов сохранен, и модернизировать пока есть что. Хотя время уходит и неумолимо работает против этого потенциала.

В целом можно констатировать, что смешение понятий «реформа», «индустриализация» и «модернизация» либо недопонимание, либо сознательная практика забалтывания проблемы.

Разброс мнений о сути модернизации существует и в рядах специалистов. Одни авторы среди вариантов модернизации выделяют консервативную, неоконсервативную и либеральную модели, другие – вертикальную и горизонтальную, третьи – селективную и системную. Четвертая группа авторов на стороне революционной, органической (естественной) и догоняющей моделей. По методам осуществления модернизации авторы разделились на либералов и дирижистов.

Очевидно, что вся эта палитра суждений из области понятийного аппарата и является свидетельством отсутствия единой концепции модернизации. Существует реальная опасность того, что весь «пар» уйдет в определение смысла модернизации, а не на ее осуществление. С другой

стороны, ясно и то, что без научных разработок, в т.ч. по теории государства, технологическое обновление производства не осуществить.

Споры среди специалистов развернулись и на уровне конкретной техники модернизации. Так, В.Иноземцев исходит из того, что модернизацию в России понимают неправильно – модернизация не равна инновационному пути развития. Аналогично рассуждают и ряд признанных европейских специалистов, особенно по бывшим социалистическим странам Восточной Европы. В принципе это правильно. Но за одним но. Нельзя не учитывать, что в названных странах, за редким исключением, никогда не было своих инноваций. А у России они были и еще сохранились в области нанотехнологий, живых систем, ядерных и космических разработок, в области энергосбережения, суперкомпьютеров, не говоря уже об инновациях в сфере ВПК. Не учитывать этот очевидный факт, значит модернизировать отечественную промышленность лишь на базе заимствованных технологий, что вряд ли будет способствовать конкурентоспособности российских товаров. В конкурентной среде аналог всегда будет проигрывать новому товару.

Академик А.Аганбегян предлагает в первую очередь совершенствовать технологическую базу промышленных предприятий и внедрять инновационные разработки. Средства для этого можно взять, по мнению ученого, из золото-валютных резервов страны, хранящихся на зарубежных счетах. Более конкретны предложения Р.Гринберга, который предлагает модернизировать экономику по принципу приоритетности тех или иных отраслей.

Но с ним не согласен бывший министр финансов РФ А.Кудрин. Он полагает, что модернизация невозможна без приватизации, и возражает против предложений по созданию за счет государства «временного рая» для отдельных отраслей.

Специальных теорий модернизации экономики, во всяком случае, до сегодняшнего дня, наука не выработала. Да и вряд ли в этом есть какая-либо

необходимость, если учесть, что все известные в истории так называемые демократические или, точнее, рыночные модернизации органически вписываются в три мировые экономические концепции, впитавшие в себя все лучшие достижения экономической теории за все время её существования. Это, прежде всего, классический либерализм (неолиберализм), кейнсианство (неокейнсианство) и институционализм. Все они разрабатываются в рамках демократических ценностей. Поэтому вряд ли уместно выдумывать «поэффектнее» типы модернизации без указания на одну из трех основных теорий. Да и фактически за красивыми терминами – органическая модернизация, вертикальная, системная и т.д. – легко угадывается одна из них.

Тем более, не имея представления об этих теориях, вряд ли можно квалифицированно рассуждать о модернизации. Больше того, только в их рамках можно выработать теорию модернизации и практику ее осуществления.

Российские демократы поставили во главу угла реформирования России теорию невидимой руки рынка и свободы как основных постулатов теории либерализма. Не имея возражений против самой доктрины, тем не менее, отметим, что такой подход российских либералов есть яркий образчик голой абстракции, отрыва теории от конкретно–исторических условий и реалий жизни. Выступая против подобного примитивизма, А.Колганов в своей обстоятельной статье, опубликованной в журнале «Золотой лев» (№69-70), пишет: «Экономическая и общественная системы должны быть ориентированы на то, что бы творческий потенциал каждого человека получил наибольшие возможности для своего собственного развития – будь то в производстве, в науке, в системе просвещения или в создании благоприятных экономических условий. Экономический рост и улучшение жизненного стандарта станут в такой системе своего рода побочным продуктом свободного развертывания творческих усилий каждого. В такой системе ... неважно наращивание объемов производства, ускоренного экономического и технологического роста». Важно,

продолжает автор: «... создать условия для самосовершенствования человека», «...но экономическая и технологическая база для такого проекта явно не достаточна» (курсив мой).

Особенно это касается стран догоняющего типа. Сама по себе свобода без соответствующих материальных и культурных основ обречена на выхолащивание и пустословие. А чаще – дискредитацию самой идеи. С такой ситуацией сталкивались и развитые страны, в частности Америка, в период Великой депрессии. Саморегулирующие механизмы рынка оказывались в ступоре и не срабатывали. И только новый курс Ф.Рузвельта вновь создал условия для реализации идей либерализма на новой базе и на новых подходах к роли государства в экономике, открыв для американского общества новые перспективы.

Те же причины вызвали к жизни и более активное государство в странах Европы в послевоенный период. Отбросив догмы либерализма, политики Старого света широко использовали возможности государства в стратегии догоняющего развития. Весьма уместно здесь вновь процитировать А.Колганова, отметившего на опыте индустриализации СССР 30-х годов, что «... плановая экономика показала более высокие мобилизационные возможности, чем рыночная». Правда, добавим, что сегодня большинство экономистов если и признают этот очевидный факт, то лишь в плане краткосрочных перспектив.

Но основной слабой стороной позиции российских либералов является игнорирование объективных возможностей экономических методов в плане обеспечения быстрых темпов экономического роста. А они, если брать в целом, на протяжении всей истории капиталистической экономики фактически в среднем не превышали 2% роста в год.

При этом нельзя забывать, что в названных странах существует классический вариант рыночной экономики, где все основные факторы

экономического роста: инвестиции, технические нововведения, человеческий капитал и использование сырьевых ресурсов – задействованы в полной мере. Тем не менее темпы экономического роста, обеспечиваемые возможностями рынка, минимальны. Понятно, что эволюционное развитие имманентно присуще капитализму. Ясно и то, что если эти темпы роста их вполне удовлетворяют, то для развивающихся и особенно догоняющих стран такие низкие темпы роста совсем не приемлемы. Это аксиома, которую, на наш взгляд, в России многие в своих анализах не учитывают, а порой и просто игнорируют. А все это вместе взятое вновь возвращает нас к необходимости раскрытия мобилизационных возможностей государства как института власти.

Второй вариант модернизации, базирующийся на кейнсианских идеях, предполагает более активное участие государства в технологическом обновлении производства, в структурных преобразованиях. Хотя в специальной литературе нередко анализ начинается со структурных проблем экономики, нехватки капитала и необходимости изыскания внутренних и внешних источников накопления, тем не менее, на наш взгляд, основное здесь – это вновь место и роль государства в модернизации экономики. Все остальное только средства и способы ее осуществления.

В зависимости от реформаторской активности и участия государства в экономике, осуществляемых в рамках демократических институтов и ценностей, либо провозглашенных как политической цели, все страны можно сгруппировать на 4 более или менее однородные группы, куда входят как страны Запада, так и государства других частей света, в том числе и страны Восточной и Юго-Восточной Азии, в которых и состоялось «Азиатское экономическое чудо».

Сама глубина воздействия и участие государства в экономике зависят от уровня развития рыночных отношений и демократических институтов. Отсюда и роль государства в модернизации экономики:

1. В развитом обществе.
2. В восстанавливающихся экономиках.
3. В развивающихся (догоняющих) странах.
4. В слаборазвитых.

При этом общей закономерностью является то, что чем более зрелое общество, тем меньшая роль государства. И наоборот, чем менее развито общество, тем большая роль и значение государства в стратегии догоняющего развития.

В наиболее развитых обществах модернизация экономики протекает в естественном, эволюционном формате посредством внутренних саморегулирующих механизмов рынка и институтов демократии, важнейшими из которых является конкуренция и перелив капитала, а также борьба политических партий, улавливающих насущные потребности избирателей. Повсеместно наблюдается если не усиление роли государства в экономике, то возрастание значения экономической политики. В новых условиях, особенно в период глобализации, если говорить образно, роль государства трансформировалась от «ночного сторожа», по меньшей мере, до «ночного директора». Роль государства в модернизации производства в зрелом обществе существенно возросла. И, тем не менее, она в основном носит вспомогательный характер по отношению к частной инициативе и экономической свободе, что органически вписывается в неоклассические концепции либерализма.

Иная картина наблюдается в восстанавливающихся экономиках. Наиболее яркой иллюстрацией в этом ракурсе является опыт послевоенного восстановления ФРГ, Франции и Японии. Причем подчеркнем весьма интересный факт: если в Германии упор был сделан на частную инициативу при активной поддержке государства, то во Франции правительство всю инициативу взяло на себя, однако, не ограничивая свободу. Существенна была роль государства и в Канаде, где впервые на практике были использованы

кейнсианские рецепты. В Японии же руководящие круги не стали ждать «милостыни» от «невидимой руки рынка», как тщетно ее ждут некоторые либералы в России, а всячески способствовали модернизации экономики при помощи «видимой руки государства.

Прежде чем перейти к анализу проблем государства и модернизации третьей группы стран – развивающихся государств, отметим, что дистанция между третьей и четвертой группой (слаборазвитые страны), в плане схожести экономических и политических проблем, не столь заметна. Поэтому свой анализ продолжим не с третьей, а с четвертой группы, оставив тему развивающихся стран напоследок.

Наибольший интерес с точки зрения предмета исследования представляет опыт модернизации, а точнее индустриализации, стран Восточной и Юго–Восточной Азии. Все эти страны, входящие ныне в «новый индустриальный центр мира», условно можно разделить на три довольно непохожие группы.

К первой группе относятся государства конфуцианской цивилизации: этнические китайские Тайвань, Гонконг и Сингапур, а также Южная Корея, которая в культурном отношении всегда была очень близка к Китаю. Именно за ними закрепилось образное определение – «четыре тигра Восточной Азии». Стремительный экономический рост в странах четверки начался в 1960 – 1965 годах.

К их инокультурным соседям, странам «второй волны» развития, перемены пришли двумя десятилетиями позже, около 1980 года, когда буддийский Таиланд и мусульманские Малайзия и Индонезия, долгое время считавшиеся экономически бесперспективными, стали неожиданно показывать признаки подъема.

К третьей группе относятся и коммунистический Китай с Вьетнамом, к которым перемены пришли еще позже – где-то в середине 80-х годов.

Важно подчеркнуть, что азиатское «экономическое чудо» 80-х годов последовало за японским «чудом» 60–70-х годов, ставшим для них маяком или флагманом радикальных преобразований.

Перемены, произошедшие в Восточной Азии в 1960–1980 годах, действительно заслуживают наименования чуда. Среднегодовой рост ВВП в этот период составил от 6,3% в Гонконге до 7% в Сингапуре. В результате ВВП на душу населения, составлявший в 1960 г. где-то около 200\$ США, приблизился к европейскому уровню, а в некоторых странах – и превзошел его. Так, в Сингапуре ВВП на душу населения составил 26 500 \$, что опережает большинство стран Западной Европы, в том числе Францию и Германию. Более того, по совокупным показателям Сингапур с 1996 г., по классификации ООН, вошел в список развитых стран. Динамика роста валового национального продукта Южной Кореи не менее впечатляема (в скобках указана величина ВВП на душу населения в долларах США): 1970г. - 8,1 (253), 1975г. – 20,9 (594), 1980г. – 60,6 (1597), 1985г. – 91,1 (2244), 1990г. – 251,8 (5883), 1995г. – 451,7 (10076). Как и Сингапур, Южная Корея в рейтинге из слаборазвитых стран переместилась в разряд развитых.

Характеризуя процессы, происходящие в Восточной и Юго-Восточной Азии, не без основания можно утверждать, что в этой части света идет естественный процесс формирования нового глобального центра экономической и политической мощи. А это требует серьезного научного анализа с точки зрения действия закона сохранения мирового экономического баланса и центров силы, выплеснувшихся на азиатский регион, минуя Россию, которая косвенно способствовала этому процессу путем банальной продажи сырья без его переработки, чем и воспользовались новоиспеченные успешные страны, сделав упор на импорт сырья и экспорт готовых изделий. Данная стратегия для этих стран оказалась столбовой дорогой для прогресса.

Каковы же факторы и условия успеха азиатских стран и в чем здесь проявилась роль государства в радикальном преобразовании общества?

Во-первых, вряд ли правомерно, применительно к реформам в Азии, использовать термин «модернизация». Наиболее точное определение – это экспортно - ориентированная индустриализация, которая диктовалась недостатком природных ресурсов, что и вызвало стратегию импорта сырья, ее переработку и экспортно–ориентированную экономику. Вот, например, характерные рассуждения автора «сингапурского чуда» премьер–министра Ли Куан Ю: «С тех пор как мы пришли к власти в 1959 году, мы постоянно сталкивались с проблемой безработицы. Поэтому все члены правительства знали, что единственным способом выжить для нас было проведение индустриализации. Развитие посреднической торговли в Сингапуре достигло предела, угроза ее упадка была реальной. Мы по–прежнему находились в состоянии «конфронтации» с Индонезией, а Малайзия всячески стремилась обойти Сингапур в развитии своих внешнеэкономических связей».

Во-вторых, дешевизна и изобилие дисциплинированного труда, помножены на религиозную, культурную и исторические традиции; способность сочетать устои жизни и инновации.

В-третьих, естественный и необходимый этап экстенсивного развития.

В-четвертых, экономический и демократический транзит, позволивший во многом, например, Японии и Таиланду приблизиться к европеоидному обществу.

В-пятых, возможность заимствовать передовые технологии, способность мобилизации внутренних ресурсов, а в последующем и привлечение инвестиций за счет создания благоприятного климата и обстановки доверия. Ли Куан Ю так подытожил деятельность сингапурского правительства по превращению своей страны в крупнейший финансовый центр мира: «Фундаментом для развития нашего финансового центра было соблюдение

принципа верховенства закона, существование независимого суда и стабильного, компетентного и честного правительства, проводившего разумную макроэкономическую политику».

В-шестых, в политике аккумуляции финансовых средств на начальном этапе индустриализации практически во всех рассматриваемых странах Азии, как впрочем и в восстановительный период во Франции и ФРГ, а также Канаде, упор был сделан не на фондовый рынок, а на банковский сектор, часто находившийся под контролем либо в руках государства.

В-седьмых, широкое использование методов планирования практически всеми азиатскими странами, а не только Кореей, как полагают многие исследователи, в том числе и сингапурским правительством. Немаловажное значение имела и опора на обыкновенный здравый смысл.

И, наконец, восьмое – это определяющая роль государства, его органов в осуществлении реформ, и не только в качестве координатора реформ, но и непосредственного участника воспроизводственных циклов. Некоторые авторы полагают, что азиатские «тигры» совершили свой рывок под руководством авторитарных режимов. На наш взгляд, это только внешняя, формальная сторона дела. Основное в этих преобразованиях – это политическая воля лидеров Кореи, Сингапура, Таиланда и других, которые в условиях благоприятной международной обстановки (присутствие в регионе военных сил НАТО, обеспечивающих геополитические интересы стран Запада и прежде всего США, а также защиту капиталов инвесторов) сумели буквально в ручном режиме эволюционно, без больших скачков и переломов преодолеть отсталость и войти в разряд одних из самых развитых стран и регионов мира.

Причем политическая воля была проявлена не только в создании целых новых отраслей промышленности (сталелитейной, химической, электронной и других), но и в институциональных преобразованиях и прежде всего в создании экономики рыночного типа. А это требовало от политических лидеров этих

стран воли не только создания конкурентной среды, но и, к примеру, властного дробления монополий и акционирования крупных семейных, клановых фирм, зачастую паразитировавших за счет общества.

Таким образом, государство в азиатских странах до 90-х годов выступало главным организатором экономических и политических преобразований, выполняя системоформирующую и экономическую функцию, а с 90-х годов (не без влияния и разразившегося экономического кризиса) – акцент сделало на минимизацию государственного участия в экономике в пользу частной инициативы и либерализации, с опорой на сформировавшиеся в основном демократические институты.

Роль государства в модернизации экономик развивающихся стран – предмет специального изучения, поскольку, по классификации ООН, к ним отнесена и Россия. Организационные службы ООН, при отнесении той или иной страны к категории развитых (новые индустриальные страны) или развивающихся (наименее развитые страны, несостоявшиеся государства), исходят из критериев демократичности властных институтов, развитости и степени свободы рыночных отношений, индустриализации, объемов социальных программ и гарантий прав граждан. Практически эти критерии используются для статистического удобства и не обязательно отражают истинное положение развитости, достигнуто в конкретной стране. С позиций чисто экономических к развивающимся странам обычно относят режимы со слаборазвитой экономикой, непрогрессивной (сырьевой) структурой экономики, недостаточным научным и производственным потенциалом, изношенной техникой и устаревшими технологиями, но пытающихся переломить тенденцию отставания и выйти на уровень более развитых стран.

И, наоборот, к развитым относятся страны с многоотраслевой структурой экономики, господством свободно-рыночных отношений, развитой демократией и высокотехнологичным производством, основанных на

поддержке передовой науки. Доля сферы услуг обычно колеблется от 50 до 70% ВВП.

В этой связи для стран, провозгласивших стратегию догоняющего развития, цели абсолютно ясны. Споры и недопонимание возникают по поводу средств, методов и сроков. Но в основном эта проблема вновь упирается в определение роли и места государства в модернизации экономики.

В очередной раз ряд российских либералов пытаются навязать обществу свое понимание подходов к структурной перестройке экономики. В основном они группируются вокруг двух посылок. Первая: место государства в модернизации – широкомасштабное финансирование новых проектов, без вмешательства его органов в саму экономику. При этом, для убедительности, либералы часто ссылаются на якобы аналогичный опыт Кореи, Сингапура, Канады и др. Выше мы достаточно подробно показали, что в названных странах роль государства была далека от такого примитивизма, сводящего роль государства к выполнению обязанностей «дойной коровы». Государство, прежде всего, и это вытекает из обобщенного мирового опыта, главный организатор и участник модернистских и системоформирующих процессов, при этом не конкурируя с частным бизнесом, а помогая ему.

Вторая идейная платформа ряда либералов, находящая до сих пор, как ни странно, некоторое число сторонников в правительстве, а также в науке, сводится к такой же простой формуле: Россия, мол, до сих борется с последствиями распада СССР (вариант «проклятых советских лет») – и, следовательно, без смены поколений никакие прогрессивные реформы в России невозможны.

Идея «плохого народа», доставшегося либералам в наследство, довольно часто звучит в аргументах псевдолибералов, пытающихся свою искаженную логику, обанкротившиеся идеи и рекомендации списать на «некачественное

общество», зачастую выступающее последним их аргументом в попытке доказать свою нужность власть имущим.

Ничего общего с действительностью и это не имеет. Наоборот именно на советском экономическом и человеческом потенциале и продержались двадцать лет нынешний «квазилиберализм» и его идейные вдохновители, в полном смысле износив страну и морально, и материально. Самый образованный народ в мире, ученые, конструкторы и инженеры, высококвалифицированные рабочие, создавшие чудеса науки и техники, вынуждены влачить жалкое существование, горько осознавая свою ненужность, в условиях фактически сложившейся не рыночной, а регулируемой (базарной) экономики.

Вместе с тем очевидно и то, что для нынешней России, при существующих реалиях и господстве экономических и политических идеологем, перспективы модернизации экономики весьма проблематичны. Это вытекает из трех, а может и даже четырех системных неопределенностей: во-первых, в России рыночные отношения носят лишь фрагментарный характер, а если где и существуют, то лишь в отдельных, несущественных сегментах экономики. Отсюда и отсутствие здоровой ценовой конкуренции; во-вторых, господство и засилье монополий, объективно ведущих экономику к проеданию основных фондов; в-третьих, наличие проблем института частной собственности, точнее отсутствие конституционных норм, закрепляющих ее приоритет и эффективную защиту. Сюда же следует отнести и недостатки институциональной среды, в том числе и правовой базы, не способствующие превращению частной собственности в ликвидный капитал; в-четвертых, при явно гипертрофированной форме концентрации в руках государства финансовых ресурсов, а равно административных и политических функций, его роль в экономике явно не адекватна принадлежащим полномочиям и, главное, возможностям. Избыточный административный потенциал государства

труднообъясним, тем более, когда в стране структурных реформ практически не наблюдается. Причем усилиями либералов роль государства в России фактически сведена к функциям обыкновенного статиста или «заказчика услуг» (и этой сквозной идеей пронизано все российское законодательство), которые при этом «не забывает» контролировать финансовые потоки. Государство устранено не только из экономики (при формальном участии), но и из процессов создания институциональных основ рыночной экономики. Отсюда, по факту, экономические процессы в России протекают в самопроизвольном режиме в иллюзорной надежде, как и в 90-е годы, на «невидимую руку рынка». В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда экономику «не контролирует» ни государство, ни рынок (так как его нет), т.е. экономические процессы пущены на самотек или управляются в ручном режиме.

Образовался вакуум. Но свято место пусто не бывает. Реально балом правит не государство, а чиновничество, находящееся «в сговоре» с монополистическими и олигополистическими группами, не заинтересованными в изменении существующего статус-кво. Поэтому в обществе все больше зреет понимание того, что прошлый потенциал экономики исчерпан, и никакая благоприятнейшая конъюнктура цен на энергоносители уже не в состоянии продлить для кого-то «коммунистический рай», построенный в отдельно взятой группе.

Таким образом, задачи государства в модернизации экономики состоят не в пассивном ожидании «смены поколений» или иллюзорной надежде на «невидимую руку рынка», а в выработке и активном проведении экономической политики, подтягивании своей страны до уровня развитых стран. Обобщенный мировой опыт подобной стратегии успешного догоняющего развития позволяет сделать ряд выводов о месте и роли государства в этом процессе:

- государство не только пассивный наблюдатель или косвенный стимулятор модернизации, но и непосредственный инициатор, организатор и участник ее проведения, причем не только в форме бюджетного софинансирования, но и государственного предпринимательства;

- в процессе структурных преобразований государство не подавляет свободу и частный интерес, а, наоборот, содействует ему, в том числе путем улучшения институциональных основ и условий функционирования частного бизнеса;

- государство широко использует как экономические, так и административные меры, методы убеждения и принуждения;

- государство не ограничивается «совершенствованием» наличествующей производственной, трудовой и научной базы. Оно активно ее преобразовывает, придавая ей новые формы и направления развития;

- государство обустроивает рыночные отношения, в ручном режиме создает «невидимую руку рынка» посредством «видимой рукой государства», минимизируя свое участие в экономике после достижения поставленных целей;

- государство «подгоняет» темпы экономического роста, учитывая, что даже при его активном участии в модернизации, преобразования, как показал мировой опыт, занимают в среднем от 30 до 50 лет. Эволюционный же путь модернизации, т.е. демократический, займет не менее 100 лет;

- ни в одной стране, осуществлявшей модернизацию, не использовалась чисто либеральная модель реформ, и прежде всего из-за объективно присущих ей низких темпов роста экономики. Использование мобилизационных возможностей государства и госсобственности – основная черта всех успешных структурных преобразований.

Третьим подходом модернизации экономики, кроме уже названных – неолиберализма и кейнсианства, является институционализм, рассматривающий причины отставаний тех или иных стран в единстве

экономических и социальных проблем. При определении роли государства в преодолении отсталости они исходят не столько из необходимости капитализации экономики, сколько из необходимости создания институциональных основ жизни общества.

Признанным основоположником институциональной концепции модернизации является Гуннар Мюрдаль, автор труда «Азиатская драма: исследования бедности народов» (1968г.), за которую он в 1974г. (совместно с Ф.Хайеком) был удостоен Нобелевской премии. Именно под влиянием его выводов ООН подготовил стратегию удовлетворения основных потребностей, рекомендованных освободившимся странам.

В специальной отечественной литературе правильно отмечается, что в своей книге он резко критикует западный подход к анализу «третьего мира», несостоятельность которого состоит в попытке переноса реалий развитого общества в общества слаборазвитые. Это выливается в создание анклавной экономики – узкого сектора европеизированной промышленности, больше связанной с внешним, чем с внутренним рынком. Обеспечить капиталовложения в приоритетные отрасли, по его мнению, оказалось проще, чем осуществить преобразование экономики в целом. Проведение же политики модернизации пока не дало существенных позитивных результатов, которые изменили бы положение большинства населения. Отсюда и его критика основных категорий теорий роста: техники, как решающего фактора преодоления слаборазвитости; рынка как автоматического регулятора экономического развития; планирования как средства решения социальных задач. На деле эти факторы способствуют усилению технологической зависимости, дезинтеграции экономики, росту коррупции.

В целом модернизация понимается Г.Мюрдалем как повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества.

Институционализм, на наш взгляд, недостаточно представлен и разработан в России, хотя важность этого направления очевидна. Комплекс проблем рыночных отношений, в том числе неопределенность правового положения частной собственности, неразвитость прав собственности, его защиты и других институтов рынка, требует своего решения. Мы уже не говорим о проблемах деформаций самого рынка.

Для постсоветского пространства также важное значение имеет негативная оценка сторонниками институциональной теории рынка как автоматического регулятора экономического развития. Применительно к России следует сказать, что надежды на «невидимую руку» (которую еще предстояло создать) привели российские реформы 90-х годов к печальным результатам, закономерным венцом чего стал дефолт 1998 года. И лишь добровольная, а потому позитивно оцениваемая отставка Б.Ельцина прервала стремительное скатывание России к полному хаосу и окончательной криминализации общества.

А на Украине, в частности, этот ультралиберальный тренд продолжился, и с большей или меньшей долей вероятности можно заключить, что украинские политики довели аналог российских реформ 90-х годов до конца. Даже вступили в ВТО. При формально установленной демократии и формальном рынке на Украине фактически наблюдается значительная деградация производственного и человеческого потенциала, маргинализация больших социальных групп населения. Националистическая истерия, беспардонная фальсификация истории, развязанная еще недавно командой В.Ющенко, – лишнее свидетельство глубины падения общества и полного отсутствия альтернативных возможностей какого-либо развития страны на здоровой основе. Деиндустриализация отбросила Украину в разряд стран «третьего мира», с ярко выраженным сценарным развитием событий в латиноамериканском варианте. А это – не стабильная политическая система, а

потому и непредсказуемый политический режим. Не исключено, что точка бифуркации Украиной уже пройдена и команде Януковича приходится вытаскивать страну из небытия. В такой ситуации строительство газопровода в обход Украины, не только правильный, но и дальновидный ход.

Но в России из этого негативного опыта Украины выводы до сих пор до конца не сделаны. Лишь В.Путин призвал не допустить «украинизации» политической и экономической жизни России. Предпринятые в 2000-х годах отдельные несистемные решения, принявшие в основном форму бюджетного интервенционизма, несколько стабилизировали обстановку, но не могли преодолеть и не преодолели отрицательную динамику экономических сдвигов в России. Только модернизация, при сформировавшемся рынке, теоретически обоснованная и практически воплощенная, способна вновь восстановить здоровый рост экономики и вернуть страну в разряд развитых стран.

В целом можно констатировать, что проведение модернизации в России будет способствовать повышению качества жизни граждан, укреплению демократии, поднятию престижа и имиджа России, как внутри страны, так и на международной арене, а также увеличению интеграционного потенциала и привлекательности не только из-за наличия сырьевых ресурсов, но и за счет высокотехнологичного производства и передовой науки.